

© 2020

Виталий Бирюков

доктор экономических наук, профессор
Омской гуманитарной академии
(e-mail: sciencebv@gmail.com)

ЦЕННОСТИ, ИНСТИТУТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В статье рассмотрены проблемы, связанные с формированием современной волны исследований экономического развития; показана их парадигмальная ограниченность и обосновывается необходимость перехода к интересующей парадигме. Экономическое развитие интерпретируется как процесс взаимообусловленных культурных и институциональных изменений; раскрываются особенности экономических моделей, связанные с разным сочетанием побудительных и принудительных методов институционального регулирования.

Ключевые слова: методология экономической науки, экономическое развитие, теория неомодернизации, неоинституционализм, конструктивизм, идеи, ценности, институциональные изменения, институциональное насилие.

DOI: 10.31857/S020736760009149-2

Альтернативные видения движущих сил и механизмов долговременного развития экономики. Происходящие в настоящее время радикальные перемены в движущих силах и механизмах экономического развития, связанные со сменой технико-экономической парадигмы и нарастающей четвертой промышленной революцией, порождают качественно новые и все более сложные проблемы. В поиске исследовательских стратегий, позволяющих более реалистично описывать динамичные и многоплановые перемены в современной экономике, сегодня все больше внимание фокусируется на значимости культурных и институциональных переменных как ключевых составляющих нематериальных факторов, которые приобрели решающую роль в генерировании инноваций и формировании на их основе конкурентных преимуществ компаний, корпораций и национальных экономик.

Складывающийся в последние десятилетия концептуальный поворот в описании закономерностей долговременного экономического развития вызван стремлением осуществить переход с поверхностного уровня изучения реальности на более глубокий ее уровень. Данный поворот сопровождается формированием конкурирующих исследовательских программ, сложившихся в рамках теории неомодернизации и неоинституциональной теории, основанных на альтернативном понимании роли культурных и институциональных факторов в развитии национальных экономик. В связи с этим возникли активные дискуссии по вопросам экономического роста, которые свидетельствуют о том, что появляется необходимость прояснения пределов когнитивного потенциала конкурирующих подходов, сфокусированных на изучении разных аспектов меняющейся экономической реальности, а также разработки новой методологии, позволяющей преодолеть парадигмальные рамки ограниченного ее видения с учетом складывающихся возможностей применения междисциплинарного подхода.

В современной версии теории неомодернизации, наиболее значимую модификацию которой предложили К. Венцель и Р. Инглхарт, определяющая роль в трансформации институтов отводится изменениям в сфере культуры, которые сторонники неоинституциональной теории игнорируют или недооценивают [1; 2]. В соответствии с представленным подходом «экономическое развитие приносит демократию через изменение ценностей и поведение людей» [2. С. 167]. В целом глобальная и универсальная логика модернизационных перемен заключается в том, что в результате экономического развития меняются культурные ценности и их изменения, в свою очередь, обуславливают институциональные перемены. При этом отмечается, что «классический марксистский экономический детерминизм, видимо, оправдан» [2. С. 70]. Критики современной теории модернизации указывают на монолинейный характер интерпретации социально-экономического развития и экономический редукционизм [3].

Сторонники неоинституциональной теории, которая является центральным направлением современного экономического мейнстрима, занимают противоположные позиции и отводят особую роль в социально-экономическом развитии фундаментальной конфигурации политических и экономических институтов. Наиболее развернутые версии неоинституциональной теории общих закономерностей и особенностей долговременного развития национальных экономик представлены в широко известных работах ее ведущих представителей Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон [4; 5]. Значительная часть российского экономического сообщества восприняла эти работы как отказ от базовых постулатов экономического мейнстрима и появление альтернативной и более реалистичной методологии изучения социально-экономической динамики.

Однако критики отмечают не только наличие в данных работах элементов, способствующих дальнейшему развитию теории, но и содержащиеся в них различные неточности и противоречия, а также методологическую узость, концептуальную противоречивость и историческую неадекватность неоинституционального подхода [6, 7]. В объяснительных схемах данного подхода культурные феномены присутствуют, но они выступают только как зависимые переменные, а не в качестве независимых переменных. В связи с этим Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон полагают, что культура является следствием работы определенных институтов [7. С. 83]. В свою очередь, Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст считают, что представления субъектов вытекают из структуры организаций и институтов, а идеи не могут иметь самостоятельного значения, поскольку, не подкрепленные институционально, они ничего не могут изменить [6. С. 433].

Выполненные в рамках данных исследовательских программ работы отличаются историческим и сравнительным анализом обширного фактического материала, однако их общим изъяном является монокаузальность [8]. Приспособленность исследовательской «оптики» для изучения

лишь монокаузального типа связей и переменных обуславливает пределы диагностики и возможности предлагаемых объяснительных схем; для перехода на новый уровень понимания сложности процессов экономического развития требуется изменение парадигмальных их основ изучения.

Парадокс сложившейся сегодня в экономической науке когнитивной ситуации состоит в том, что в условиях доминирования методологии индивидуализма, возникшей более ста лет назад под влиянием маржиналистской революции, утвердилась свойственная ей традиция видения проблемного поля, которой явно или неявно придерживаются не только сторонники экономического мейнстрима, но и многие представители альтернативных теорий. В рамках данной методологии культурные феномены (идеи, ценности, традиции, институты и др.) рассматриваются как экзогенные факторы и исключаются из проблемного поля в качестве самостоятельного предмета и инструмента анализа [9]. «Сейчас границы для экономической науки, — пишет В. Ефимов, — негласно определяются так называемым экономическим видением, что приковывает экономическую науку к теории рационального выбора. Если такое определение границ сохранится, то экономическая наука приговорена анализировать не реальные, а вымышленные миры, а реальные проблемы, связанные с экономикой, будут изучаться другими дисциплинами. Работы Шмидт, Скочпол и многих других политологов показывают, что это уже стало реальностью» [10. С. 36].

Для преодоления фундаментальных изъянов конкурирующих теорий и разработки исследовательской программы, позволяющей получить удовлетворительное описание движущих сил и механизмов экономического развития, требуется рассматривать экономическую реальность исходя из ее многомерной и динамичной природы. В онтологическом плане происходящие в ней процессы осуществляются на трёх ее основных структурно связанных уровнях: эмпирическом, среднем и глубинном [11]. Поэтому появляются три предметные области исследования и интерпретации картины экономического мира. На поверхностно-эмпирическом уровне возникает феноменологическое понимание наблюдаемых событий в рамках накопленного опыта. На среднем уровне происходит теоретическое описание локальных экономических связей событий, а также их интерпретация. На глубинном (фундаментальном) уровне определяются методологические основы изучения экономических процессов исходя из представлений о субъектах экономики, их качественных свойствах, природе и типах связей, а также отношений между ними. В рамках выбранной онтологии рассматриваются общие причинно-следственные связи и механизмы формирования экономических процессов, а также тенденции их изменения, которые проявляются в разных формах на других уровнях. Выход за парадигмальные рамки доминирующих концепций экономического развития, основанных на интерпретации монокаузальной связи культурных и институциональных переменных, предполагает переход на более глубокий уровень понимания экономической реальности, а также разработку понятийного аппарата и инструментария с учетом многообразия и

противоречивой взаимосвязи культурных и институциональных переменных, определяющих особенности формирования траекторий развития национальных экономик.

Интерсубъективная парадигма взаимосвязи культурных и институциональных переменных в экономическом развитии. Формирование новой исследовательской повестки связано с таким «поворотом» в изучении сложноорганизованной и динамичной картины экономической реальности, который ориентирован на преодоление с использованием междисциплинарного подхода когнитивных границ методологии экономического мейнстрима, порождающих дилемму «культура или институты». В связи с этим важно принимать во внимание формирование в последние десятилетия принципиально нового направления институциональных исследований, которое исходит из интерсубъективной природы реальности и опирается на конструктивистский подход [12].

Конструктивистский институционализм выступает как некая общая для социальных дисциплин метатеория, которая фундаментально отличается от институционализма рационального выбора тем, что задает разные «рамки» (framework) видения реальности, разные «оптики», с помощью которых ученые «смотрят» на мир и различают разные объекты, а также используют логические модели объяснения. Его сторонники отказываются от методологического индивидуализма и отвергают холистическую методологию, свойственную структуралистским подходам. Они занимают интеракционистскую позицию, акцентируя внимание на социальных взаимодействиях, которые не редуцированы к поведению рациональных субъектов индивидуалистической парадигмы [13]. Сегодня в отличие от экономической теории, которая утратила связь с социологией, в политологии, где эта связь сохраняется, на основе конструктивистского подхода в результате идеационного поворота утвердилось авторитетное направление исследований политических отношений как на уровне отдельных стран, так и мирового сообщества.

Конструктивистский подход использует логику коммуникативных действий ценностно-рациональных субъектов, которые формируют совместные знания и достигают согласия о ценностях и институтах. В связи с этим обращается внимание на значимость идей, которыми руководствуются люди, и понимание частных интересов как разновидности идей. «В современных политико-экономических моделях, — пишет Д. Родник, — «идеям» почему-то не уделяется никакого внимания. Вместо этого в большинстве наиболее авторитетных теорий выбора экономической политики ключевую роль играют частные интересы (vested interests): элиты, лоббистские группы, агенты, занятые поиском ренты, — все они решают свои задачи за счёт общества в целом. Экономисты, политологи и другие обществоведы апеллируют к силе частных интересов, чтобы найти объяснение главных проблем в теориях регулирования, международной торговли, экономического роста и развития и во многих других областях ... Любая политико-экономическая модель, в которой не уделяется существенного внимания частным узкогрупповым

интересам, скорее всего останется неполной и бессодержательной. Но из этого не следует, что интересы — это ключевой фактор, влияющий на результаты политических процессов... Как только будет осознана изменчивая природа интересов, они в значительно меньшей степени будут рассматриваться как определяющие факторы» [14. С. 22–23].

Разработка видения экономики как особого класса сложной системы предусматривает изучение механизмов экономического поведения и экономических взаимодействий исходя из качественных свойств субъектов, которые структурно, институционально и культурно укоренены в экономической реальности на основе интерактивных отношений и связей. В связи с этим смена исследовательской парадигмы предполагает признание интересубъективной природы экономической реальности и изменение «оптики» видения ее на основе того, что экономическая реальность включает в себя систему институтов и связей, норм и правил экономических взаимодействий, а также различные когнитивно-символические представления субъектов об экономике (экономические идеи, образы, ценности, ментальные конструкты и др.), которые они используют при принятии и реализации экономических решений. Данные компоненты экономической реальности складываются в ходе экономико-коммуникативных практик субъектов, которые обладают экономической культурой и свойственными ей способностями воспроизводить и менять формы экономической деятельности, систему экономических отношений и модели развития национальных экономик.

Анализ роли культурных феноменов в социально-экономическом процессе, как отмечает Ф. О' Хара, является исходным пунктом изучения круговой и кумулятивной причинности. Важно понять значимость идеологии, ценностей, разнообразных норм и обычаев. Возможность адекватно интерпретировать стилизованные факты появится при условии, если мы установим причинные связи между оценкой действительности экономическими агентами и отношениями между ними [15. С. 44]. Экономическая культура, являясь важной составной частью национальной культуры, не находится вне экономической реальности (и соответствующей ей экономической системы) вопреки утвердившейся традиции ее видения исходя из индивидуалистической парадигмы. Она выступает как особый тип экономического мышления и поведения субъектов, который обусловлен сложившимся пониманием картины экономической реальности на основе сформированного у них экономического мировоззрения и ценностно-смысловых представлений, выражающих взаимозависимый и интерактивный характер экономических взаимодействий.

При описании противоречивых механизмов экономического поведения и экономических взаимодействий требуется исходить, как отмечает Ю. Князев, из более адекватного реальности методологического дуализма, являющегося антиподом одностороннему индивидуализму и отражением двойственной природы человека. Ошибочность господствующего в общественных науках методологического индивидуализма состоит в том,

что во внимание принимается и абсолютизируется лишь одна, эгоистическая сторона человеческой сущности, но совсем не учитывается вторая её сторона — присущий человеку коллективизм [16. С. 12]. Включенность индивидуальных и коллективных субъектов в интерактивную систему экономических связей обуславливает наличие у них общесистемных и уникальных свойств, двойственную природу их экономико-культурных ценностей, мотивов, интересов, целей, моделей экономического поведения субъектов и национальных экономик. Принцип двойственности имеет фундаментальное значение для системно-целостного описания экономического развития; так, например, у К. Маркса в «Капитале» на основе реализации данного принципа возникают понятия двойственного характера труда и двойственности товара, а также рассматриваются противоречивые процессы развития экономики.

Использование интерсубъективной парадигмы позволяет отказаться от укоренившейся традиции интерпретации экономики с позиции теории рационального выбора, в рамках которой экономическая система рассматривается как система взаимодействий субъектов, ориентированных исключительно на достижение частных интересов преимущественно на основе конкуренции. Парадигмальное изменение видения экономической реальности влияет на разработку понятийной сетки и исследовательского инструментария в соответствии с двойственной природой культуры экономического мышления и поведения, многообразием форм экономических взаимодействий субъектов, которые включены в систему меняющихся во времени и пространстве сложных горизонтальных и вертикальных отношений, выражающих особенности развития национальных экономик в зависимости от противоречивой связи в них системообразующих элементов — регламентации и свободы, кооперации и конкуренции, равенства и неравенства, сотрудничества и состязательности, традиций и новаций и др.

Экономическое поведение субъектов в значительной мере складывается под влиянием экономических ценностей, которые выступают в качестве ядра культуры их экономического мышления и поведения и в той или иной степени соответствуют меняющейся реальности. Экономические ценности характеризуют желания субъектов, утвердившиеся в результате убеждений о значимости различных элементов интерсубъективной экономической реальности. На их основе конструируются субъект-предметные и субъект-субъектные экономические оценки; выявляются ожидаемые соотношения издержек и выгод разных вариантов производства с учетом деловой среды; выбирается эффективный вариант и соответствующие ему экономические цели и методы производства (управленческие, технологические, финансовые, маркетинговые и т.д.). Возникающие в результате особенностей ценностно-смыслового понимания меняющейся реальности экономические идеи определяют интересы, экономический выбор, модель и логику поведения субъектов. В современных условиях складывающаяся на разных уровнях экономики конкуренция выступает, прежде всего, как конкуренция экономических идей, выражающих разные восприятия

деловой среды, на их основе конструируются и реализуются инновационные проекты и программы. При этом ошибочные экономические идеи могут быть чреваты катастрофическими последствиями, а обоснованные идеи способствуют достижению экономического успеха.

В отличие от неоинституциональной теории интересубъективная парадигма способствует более содержательному пониманию экономических институтов как специфических культурных феноменов. Наличие у субъектов не только индивидуальных, но и общих экономико-ценностных ориентаций позволяет им создавать те или иные институциональные формы связей, которые выражают общепринятые когнитивно-ценностные убеждения о предпочтительности данных форм и регулятивных механизмах их поддержания. Эти механизмы в силу двойственного характера институтов предусматривают использование взаимосвязанных побудительных и принудительных мотиваций. В связи с этим экономические институты представляют собой ценностно-поведенческие структуры, которые возникают в результате диалога и конструирования их в ходе экономических практик на основе разделяемых экономических ценностей для осуществления успешной экономической деятельности. Опираясь на теорию институциональных изменений П. Д. Буша, разработанную в традиции Т. Веблена, К. Эйрса и Дж. Ф. Фостера, В. Элснер показывает, что разъяснение ценностных оснований различных форм поведения позволяет рассматривать институт как ценностно-поведенческую структуру, что становится главным инструментом для институционального анализа, способствуя разработке институциональной теории институциональных изменений [17].

Экономические субъекты в ходе экономических взаимодействий обмениваются своим видением экономической реальности, формируют общее смысловое поле, позволяющее им оценивать разные направления развития событий и стремятся вырабатывать общие экономические ценности, а также некоторую систему формальных и неформальных институтов, способствующих росту производительности их экономической деятельности. Экономические институты складываются в процессе интернализации, связанной с укоренением норм взаимодействий, признанием их правильными. Они существуют в сознании людей и чаще всего не в писанной форме, а также при условии, если соответствующие им нормы экономической деятельности люди способны выполнять и превратить в убеждения.

Выражая некоторый уровень достигнутого согласия при создании общих экономических ценностей и форм взаимодействий, экономические институты в этом смысле являются моральными феноменами, поскольку в соответствии с моральными принципами, как указывает Ю. Хабермас, «в качестве действенных принимаются только те нормы, которые выражают всеобщую волю» [18. С. 100]. Поэтому механизмы формирования и изменения экономических институтов включают в себя в качестве необходимых составляющих экономические инструменты легитимации, которые связаны с определением доверия на основе экономического оценивания институтов как желательных для координации

экономической деятельности, взаимовыгодных и эффективных при сложившихся реалиях. При наличии достаточного уровня доверия утверждаются коллективные экономические ценности, происходит легитимация и институционализация создаваемых норм и правил, а при утрате — делигитимация и деинституционализация недееспособных институтов.

Экономические институты формируются и меняются в ходе экономико-коммуникативных практик на основе сложного сочетания процессов приемственности и изменчивости экономической культуры и ценностно-смысловых представлений субъектов; в связи с этим институты становятся механизмами трансляции экономико-нормативной матрицы, ее воспроизводства и изменения. Это позволяет в отличие от институционализма рационального выбора более реалистично описывать не только причины появления разных форм экономической деятельности людей и механизмов развития национальных экономик в рамках данной институциональной модели, но и объяснить процессы модификации и трансформации институциональных моделей.

Особенности конструирования траекторий развития национальных экономик определяются своеобразием формирования цикло-причинных связей ценностных и институциональных изменений. Данные связи возникают в процессе экономических взаимодействий разных групп субъектов, которые обладают различными материальными и нематериальными ресурсами и стремятся в ходе обмена мнениями на основе компромисса утвердить в качестве общепринятых разные ценностно-институциональные модели развития экономики. При этом вопреки сложившимся моноказуальным теориям, абсолютизирующим значимость культурно-ценностных и институционально-регулятивных факторов, особенности формирования государственно-управленческих и деловых практик, складывающихся на поверхностном уровне экономической реальности, определяются экономическими процессами, происходящими на глубинном и промежуточном уровнях — ценностно-нормативном и институционально-инструментальном.

На ценностно-нормативном уровне происходит обсуждение идей и мнений о благоприятных и неблагоприятных направлениях экономических изменений. Экономические процессы не являются ценностно-нейтральными явлениями, поэтому их интерпретация зависит от интересов и позиций разных групп. Эти группы на основе своего экономико-культурного понимания реальности обосновывают альтернативные видения ключевых тенденций развития сложившейся экономической ситуации и соответствующие ценностно-нормативные основания приоритетных направлений проведения экономических преобразований с учетом появления новых вызовов и угроз. Столкновения идей и мнений неизбежно приобретает идеологический характер, а оправдание выбора модели развития национальной экономики осуществляется на основе экономического обоснования общей выгоды, справедливости и эффективности ее институционального построения, роли государственных и рыночных механизмов регулирования экономики и др. В связи с этим

используются принятые способы легитимации экономико-нормативного порядка, в рамках которого предлагается проводить структурные изменения в национальной экономике.

Характеризуя различия в экономическом мировоззрении, экономические идеологии выступают важной составляющей сложившейся экономической культуры общества и экономической реальности. *«Идеологии не являются просто ложью; это правдивые утверждения о том, что человек, по его мнению, видит»* [19. С. 252]. Они выражают некоторый обобщенный образ экономики, в котором вплетены когнитивные, нормативные и символические компоненты, и включают представления о предпочтительной модели развития экономики, экономических правилах ее устройства и основополагающих ценностях (экономической свободе, экономическом равенстве, экономической роли государства и др.). При этом экономические идеи возникают эндогенно из норм, идеологий и каузальных представлений. Идеи и ценности доминирующей экономической идеологии становятся ключевыми эндогенными факторами формирования государством системы институциональных регуляторов, а также культуры экономического мышления и поведения субъектов, используемых ими когнитивных механизмов и фильтров осмысления экономической реальности и принятия решений. Сегодня мировоззренческие столкновения по поводу выбора парадигмы технико-экономического развития не исчезли, а приобретают новые формы, которые претендуют на всеобщее ценностно-нормативное обоснование данных процессов; происходит усложнение содержания экономических идеологий и использование более разнообразных способов легитимации. В связи с этим известное утверждение о «конце идеологий» является выражением кризиса сложившейся парадигмы процесса познания, возникшего на рубеже тысячелетий.

Экономические идеологии, идеи, ценности, мифологемы и другие культурные символы превращаются во внутренние мотивы и эндогенные факторы экономического поведения, если люди о них знают и верят в их значимость. Происходящие в современных условиях кардинальные изменения в коммуникативных каналах, связанные с повышением роли Интернета и цифровых технологий, приводят к появлению платформ и систем, «в которых можно обеспечить создание, обмен и распространение ценностей. Предлагая совершенно новый канал восприятие мира и взаимодействия с ним, они становятся одной из самых мощных преобразующих мир технологий Четвертой промышленной революции» [20. С. 205]. В связи с этим появляется противоречивая конструкция смыслового поля; одной стороны, формируются дополнительные возможности для конструирования более дееспособных институциональных механизмов на основе интерактивных обсуждений экономических событий и создания эффективных форм контроля общества за экономическими действиями властей, сомнительными финансовыми потоками и др. С другой стороны, появляются и дополнительные возможности у правящих групп для формирования выгодного для себя экономико-информационного пространства, позволяющего реализовать свои интересы и цели.

На институционально-инструментальном уровне в рамках утвердившегося ценностно-нормативного компромисса, порождающего появление разделяемых и в той или иной степени искаженных «линз», а также в зависимости от переговорной силы взаимодействующих групп происходит поиск и конструирование институционального компромисса, обеспечивающего на основе формирования некоторой комбинации побудительных и принудительных методов институционального регулирования те или иные преимущества доступа к ресурсам доминирующим группам. При этом на данном уровне исходя из набора идей доминантного ценностно-нормативного видения реальности осуществляется диагностика экономических проблем, а также выработка экономических приоритетов и механизмов конструирования приемлемой системы экономических институтов, выполняющих инструментальную роль в формировании национальной модели развития экономики. В связи с этим У. Баумоль, объясняя с помощью разнообразных исторических иллюстраций особую значимость в появлении периодов экономического процветания и упадка различных государств утвердившихся институциональных правил, определяющих относительное вознаграждение за разные виды экономической деятельности и предпринимательства (производительного, непроизводительного и деструктивного), указывает, что «это не отменяет критический более общий вопрос: как трансформировать систему ценностей в обществе, чтобы оно *захотело* изменить правила? ... Я кладу в основу своих рассуждений общество, чьи интересы уже поддерживают рост производительности, и обсуждаю наиболее *эффективные инструменты* достижения этой цели» [21. С. 80].

Развитие национальных экономик является результатом осуществления инновационных изменений, позволяющих на основе повышения производительности экономической деятельности людей и в связи с этим экономии их совокупного времени увеличивать добавленную стоимость и получать инновационную ренту [22]. При этом особенности их развития определяются своеобразием достигнутого ценностно-институционального компромисса относительно баланса общих и частных выгод, который складывается либо в рамках доминировавшего ранее экономического мировоззрения, свойственной ему ценностно-нормативной матрицы и модели развития, либо в результате изменения экономического мировоззрения и баланса общих и частных выгод, реконструкции ценностно-нормативной матрицы и смены модели. Поиск компромисса связан с попыткой решить проблему сбалансированности общих и частных интересов при производстве и распределении национального продукта, определяющую успешность выбора экономической модели развития национальной экономики, и играет центральную роль в генезисе экономики, которая ориентирована на формирование у всех ее субъектов мотиваций создания и присвоение инновационной ренты. В связи с этим Л. Тевено отмечает важность достижения компромисса, который отличается от частичного согласования, а также не выступает как уступка или согласие, полученное на основе уступок. Поиск компромисса, его сложные механизмы формируют элементы нового мира [23. С. 79].

Складывающиеся в результате противоречивых взаимодействий субъектов ценностно-институциональные модели развития национальной экономики могут отличаться большим разнообразием структурных дисфункций, обусловленных особенностями достигнутого ценностно-нормативного компромисса относительно формирования механизмов владения ресурсами и распределения доходов. Поддержание разных дисбалансов общих и частных интересов порождает появление разных типов институциональных систем развития национальных экономик с различным соотношением взаимосвязанных побудительных и принудительных методов институционального регулирования, определяющих особенности формирования экономических интересов, структурно-технологических трансформаций, изменений в динамике производительности и конкурентоспособности экономики. При этом в условиях высокого уровня неравенства доступа к ресурсам уменьшаются возможности использования побудительных мотивов, усиливается мотивация получения для доминирующих групп непроизводительной (распределительной) ренты и появляется потребность в повышении роли принудительных методов, что негативно сказывается на накоплении и использовании материальных и нематериальных ресурсов, а также осуществлении инновационных изменений в национальной экономике. В связи с этим проблема институционального принуждения находится в центре разработки реалистичной парадигмы изучения процессов формирования механизмов экономического развития. Как отмечают Д. Норт и его коллеги, упуская проблему насилия, экономисты упускают главную проблему развития [4. С. 437]. В своей теории они стремились показать, как общества использовали институциональные механизмы контроля над политической, экономической, религиозной и образовательной деятельностью, для того чтобы ограничивать и сдерживать насилие на протяжении десяти тысячелетий [4. С. 32].

При описании процессов долговременного развития национальных экономик в рамках неоинституциональной теории сегодня рассматриваются два типа институциональных систем, которые кардинально различаются механизмами регулирования экономической деятельности людей. При этом появление инерционной «колеи» развития, обуславливающей экономическую отсталость стран из-за дисфункций в распределении ресурсов и низких экономических стимулов, Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст в «теории насилия» объясняют созданием порядка ограниченного доступа к ресурсам, который «устанавливает привилегии, создает ренту и обеспечивает доверие к личным отношениям в обществе» [4. С. 95]. Возникновение механизмов, блокирующих технико-экономическое развитие и повышение конкурентоспособности национальных экономик, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон в концепции инклюзивных институтов связывают с формированием экстрактивных институтов, которые имеют свойства, противоположные инклюзивным, и направлены на то, «чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части»;

«экономический рост при таких институтах имеет естественный «потолок» и рано или поздно закончится» [5. С. 66, 123].

Результаты исследований данных ученых свидетельствуют об определяющем влиянии степени сбалансированности интересов на формирование механизмов повышения конкурентоспособности экономики и особой значимости проблемы выбора эффективных способов разрешения противоречий между правящими группами, бизнесом и обществом, однако представленная в них трактовка механизмов институционального регулирования экономики обладает существенными теоретико-методологическими недостатками и исходит из ограниченной интерпретации двойственности этих механизмов. Как отмечает В. Полтерович, в данных теориях современная институциональная система западных стран выступает как некий идеал и «конец истории». Серьезный методологический недостаток теории Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, на который до сих пор не обращали внимания ее критики, состоит в том, что инклюзивность институтов — свобода и правовая защищенность конкуренции — отнюдь не исключает эксплуатацию одной части общества другой. В теории Д. Норта и его коллег насилие рассматривается лишь как физическое воздействие (или его угроза), противоречащее закону, либо как результат «репрессивного» режима. Авторы фактически предполагают, что «свободная» конкуренция автоматически обеспечивает «доступ». Однако современные порядки свободного доступа тоже в немалой степени опираются на насилие. Тот факт, что оно безлично, не означает, что оно «справедливо» и «эффективно» [8. С. 16–17].

Пренебрегая рассмотрением ценностно-нормативного уровня экономической реальности и принимая экономические интересы как заданные, сторонники неинституционального подхода неизбежно предлагают монокаузальную объяснительную схему развития политико-экономических процессов. Они не только часто искаженно трактуют механизмы институционального регулирования экономики в рамках сложившейся институциональной модели, но и не могут дать адекватного ответа на фундаментальный вопрос об эндогенных причинах ее смены, указывая в таких случаях на теоретически необъяснимые события — влияние тех или иных экзогенных факторов (внешних шоков). При этом вне внимания остаются процессы формирования ценностно-нормативного компромисса, в зависимости от которого создаются конвенциональные рамки конструирования порядка доступа к ресурсам и свойственная ему институциональная модель с соответствующим сочетанием побудительных и принудительных мотивов экономического поведения.

В связи с этим вопреки разрабатываемым в русле культурного и институционального детерминизма теориям при рассмотрении механизмов развития национальных экономик важно учитывать противоречивость и разнообразие взаимодействия ценностных и институциональных переменных. Во-первых, достигнутый ценностно-нормативный компромисс, определяя специфику конструирования доступа к ресурсам и баланса

экономических интересов, задает общую логику и рамки институциональных изменений национальной модели развития экономики, а также определяет особенности формирования структурно-технологических дисфункций и использования побудительных и принудительных методов институционального регулирования. Чем выше уровень дисбалансов в экономике, тем более низкими становятся стимулы для производительных видов экономической деятельности из-за неблагоприятной деловой среды, тем большее распространение получают экономические институты с доминированием принудительных методов над побудительными. Во-вторых, в национальных экономиках складывается свойственный им ценностно-институциональный коридор возможностей легитимной вариации дисбалансов в доступе к ресурсам и распределении доходов. Снижение доверия к власти и институтам и приближение его к критическому уровню порождает нарастание процессов делегитимации и деинституционализации, способствующих развитию кризисных явлений с разрушительными последствиями. Поэтому поддержание властью ценностно-институционального компромисса, обеспечивающего соответствие принципам общего блага и справедливости не ниже минимального уровня, является необходимым условием достижения публичной признательности, одобрения и легитимности экономических институтов. Государство, как отмечал Н. Бердяев, движется пафосом порядка, принудительно поддерживая минимум добра и справедливости, делает это потому, что без минимума добра и справедливости наступит хаос [24. С. 172]. Для достижения мобилизующей способности экономических институтов важным становится формирование привлекательного дизайна институционального регулирования, часто скрывающего суть принятых решений. Вместе с тем продолжительное доминирование методов принуждения, подавляющих экономические стимулы, препятствует экономическому развитию, ухудшает конкурентные позиции национальной экономики и в конечном счете ведет к нарастанию внутренних конфликтов.

Особенности институциональных моделей развития национальных экономик в современных условиях во многом определяется тем, что они создаются на основе неолиберального восприятия экономической реальности, в рамках которого абсолютизируется значимость таких ценностей как частная собственность и частное предпринимательство, конкуренция и экономическая свобода. При этом в пределах легитимного коридора экономических изменений сегодня складываются разные ценностно-институциональные модели развития национальных экономик, отличающиеся ролью побудительных и принудительных методов регулирования, а также различиями в формировании динамических и структурных параметров. В своей концепции символического насилия П. Бурдьё и Л. Вакант показали, что в обществах с высоким уровнем противоречий, вызванных высоким уровнем неравенства и несправедливости, возникает структурное насилие, легитимность которого поддерживается культурным насилием с помощью идеологии, религии,

культурных норм и ценностей [25]. Необходимые экономические изменения в таких обществах обеспечиваются с помощью доминирования принудительных методов правления над побудительными в виде институционального насилия. Институциональный тип насилия часто латентен, так как укоренен в повседневной жизни с помощью различных методов: идеологических, медийных, политических и др. Люди привыкают к доминированию методов принуждения над побудительными методами и своим молчаливым согласием его легитимируют.

Происходящие сегодня экономические изменения во многих странах складываются под усиливающимся давлением институционально-сетевых структур, которые создают особые преимущества коалициям представителей правящего класса, использующим психологические, социокультурные и другие технологии для обеспечения своего доминирования [26; 27]. При этом существенно меняется значимость побудительных и принудительных механизмов институционального регулирования, а также методов легитимации институциональной системы и деятельности правящих групп. В ведущих странах мира в третьей четверти прошлого века доля трудовых доходов в валовом внутреннем продукте возрастала, что обуславливало более равномерное их распределение, увеличение среднего класса и способствовало высокой экономической динамике. Переход к современной неolibеральной модели сопровождается коренным поворотом в глобальных трендах социально-экономического развития. Так, за последние три десятилетия средняя продолжительность обучения увеличилась в 1,5 раза; вместе с тем в результате высокого и увеличивающегося неравенства доля доходов 1% самых богатых в мире людей возросла в 1,25 раза на фоне стагнации 50% самых низких доходов, а также повышения неустойчивости социально-экономического положения основных групп населения. В связи с этим складывается модель роста благосостояния не для всех [28].

Современная волна изменений в мире приводит к нарастанию негативных последствий использования национальных моделей, основанных на устаревшей неolibеральной парадигме, что сопровождается глубокими сдвигами в общественном сознании; все больше людей в мире утрачивают веру в преимущества капитализма в его нынешнем виде. В связи с этим сегодня сложился весьма низкий уровень легитимности институциональных моделей развития многих стран, что усиливает необходимость их кардинальных изменений в соответствии со сменой технико-экономической парадигмы. Об этом свидетельствуют, например, результаты глобального исследования «Барометр доверия Эдельмана – 2020» (Edelman Trust Barometer – 2020). Аналитики компании Edelman отмечают, что раньше доверие к социальным институтам стимулировалось экономическим ростом, однако под влиянием роста несправедливости экономических систем возник противоположный тренд. Согласно проведенным исследованиям в октябре-ноябре 2019 г., большинство населения (56%) в мире считают, что капитализм в его нынешнем виде приносит больше вреда, чем пользы; три четверти чувствуют несправедливость в обществе и заявляют о желании

перемен. Негативные взгляды на капитализм в значительной степени преобладают в развивающихся странах – в Таиланде (75%) и Индии (74%), однако более половины респондентов являются их сторонниками и во многих развитых странах Европы – Франции (69%), Италии (61%), Испании (60%), Нидерландах (59%), Германии (55%) Великобритании (53%); в России такого же мнения придерживаются 55% опрошенных. Наименее справедливым люди считают институт власти: 57% населения в мире уверены, что правительство служит интересам лишь отдельной группы лиц, и лишь 30% считают, что правительство служит интересам всех [29].

Как отмечает, президент Международной социологической ассоциации С. Ханафи, сегодня в результате сложного взаимодействия экономических и политических факторов формируется своеобразная политико-экономическая конфигурация неолиберальной модели, способствующая распространению несправедливости и бедности. Во многих периферийных обществах эта новая конфигурация выступает в виде неолиберального авторитаризма, значительно меняющего механизмы власти и управления. Ее результатом является целенаправленное применение централизованной власти и принудительных мер для осуществления капиталистических преобразований в обществах, где класс капиталистов слаб и не является господствующим [30. С. 5].

Проведение либеральных трансформаций в постсоциалистических странах происходило не в результате разработки принципиально новых идей, соответствующих усложняющейся реальности, а на основе ценностно-нормативных установок Вашингтонского консенсуса, воплотившем устаревшие идеи неоклассической школы, а также исходя из представлений теории модернизации о жесткой связи уровня технико-экономического развития, рынка и демократии, второстепенной роли национальной культуры и универсальности западного пути. В связи с этим утвердилось доминирование экономического мировоззрения, ценностно-нормативных убеждений и мифологических представлений, обуславливающих во многом имитаторский и ретрократический характер реформ, что привело к формированию рыночных институтов, не учитывающих культурные и технологические возможности и ограничения, к высокому уровню трансформационных издержек, значительному дисбалансу экономических интересов и конструированию институциональных регуляторов с применением разнообразных форм манипулирования этическими, идеологическими, институциональными, экономическими и другими интересами граждан. Постсоциалистические трансформации, как отмечает Д. Церович, сопровождаются появлением различных новых способов рентоориентированного поведения – скрытое создание и использование привилегий, сетевая коррупция, формирование коалиций интересов, игнорирование интересов народа и др. Сложившиеся во многих странах постсоциалистическое институциональное насилие явилось следствием неравномерного распределения ресурсов в условиях создания порядка ограниченного доступа, позволяющего группам

интересов и «элитам» благодаря привилегиям, извлекать распределительную ренту. Экономическое насилие, вызванное поддержанием неравенства и несправедливости, воспроизводится в условиях слабых и нестабильных институтов на основе «злоупотребления институтами», а также использования различных форм оппортунистического и квази-институционального поведения [31]. Вместе с тем результаты реформирования национальных экономик существенно различались в зависимости от соответствия национальным реалиям достигнутого ценностно-нормативного компромисса и создаваемых на его платформе институциональных моделей, связанных с использованием разных комбинаций побудительных и принудительных методов.

Сегодня российская экономика столкнулась с долговременными вызовами, которые обусловлены настоятельной необходимостью смены основанной на устаревшем экономическом мировоззрении дисфункциональной модели, не учитывающей ключевую роль в формировании конкурентоспособной экономики механизмов поддержания сбалансированности интересов и справедливого доступа к ресурсам. Использование данной модели в последние десятилетия происходило в условиях появления новых драйверов изменений в мире и резкого обострения глобальной конкуренции, что вызвало переход российской экономики в качественно новое состояние, которое характеризуется развитием стагнационных процессов и ухудшением конкурентных позиций нашей страны в мире, значительными масштабами теневой экономики и рентоориентированного поведения, утечкой за рубеж финансового и интеллектуального капитала, дифференциацией доходов населения на критическом по международным стандартам уровне и ухудшением демографической ситуации, а также нарастанием угроз экономической безопасности страны. Это обусловлено появлением такой конфигурации институциональных регуляторов, в которой принудительные методы стали доминировать над побудительными, что блокирует возможности задействования экономических стимулов повышения инновационной, инвестиционной, предпринимательской и трудовой активности.

Складывающийся сегодня новый этап институциональных перемен, связанный со сменой правительства и конституционными изменениями, осуществляется в условиях, когда исчерпала свой потенциал устаревшая модель развития российской экономики и исчерпан кредит доверия к ней. (На фоне противоречивых изменений в условиях жизни людей многие социологические службы в 2019 г. фиксировали низкий уровень институционального доверия. Согласно исследованию «Барометр доверия Эдельмана – 2020», Россия находилась в числе аутсайдеров по уровню доверия к социальным институтам – 30% респондентов доверяли институтам; только 34% опрошенных полагали, что через пять лет будут жить лучше, год назад их было 40%.) Характер и масштабы накопившихся в нашей экономике проблем свидетельствуют о том, что поддержание сложившегося дисбаланса интересов или его несущественная корректировка возможны в узких рамках институционального

маневрирования преимущественно лишь с помощью использования непопулярных мер и совершенствования принудительных методов, что не улучшит существенно конкурентных позиций российских производителей в мировой экономике. В связи с этим в условиях кардинальных изменений в трендах мировой экономики, низкого качества государственного управления и слабости экономических институтов будут возрастать угрозы делегитимации сложившихся механизмов взаимодействия власти с бизнесом и обществом, снижение институционального доверия и деинституционализации.

Разработка соответствующей кардинально меняющейся экономической реальности национальной модели трансформации российской экономики предполагает смену доминирующего экономического мировоззрения, упрощенно интерпретирующего роль частных интересов. От этой разновидности теоретизирования, отмечает Д. Родрик, часто остается ощущение, что если реформа происходит вопреки частным интересам, эти интересы, должно быть, недостаточно укоренены или реформа их не задела. Но реформы часто происходят не тогда, когда побеждены частные интересы, а тогда, когда для преследования этих интересов используются другие стратегии или когда сами интересы переопределяются. Акцент на идеях позволяет по-новому взглянуть и на частные интересы; даже если экономические акторы руководствуются исключительно своими интересами, у них часто очень предвзятые представления о том, в чем эти интересы состоят [14. С. 40–42].

Успешность развития одних национальных экономик и неудачи других во многом объясняются особенностями формирования ценностно-нормативных компромиссов, обуславливающих характер, направление и рамки изменений институциональных регуляторов экономической деятельности людей. В системе факторов, определяющих конструирование модели развития национальной экономики, экономические идеи формирования нового ценностно-нормативного компромисса не являются единственной переменной, но они занимают центральное место и создают ограничительную структуру экономической модели, в рамках которой разрабатываются и реализуются идеи институциональных изменений. «Принимая во внимание идеи, мы можем предложить более убедительные объяснения как застоя, так и изменений в политико-экономической жизни ... Это объясняет распространенную в реальном мире аномалию – тот факт, что на практике многие реформы, оказываются выгодны элитам, которые прежде их блокировали» [14. С. 23]. Мировой опыт свидетельствует о том, что как только государство ставит задачи экономического развития страны, оно сталкивается с невозможностью их решения за счет использования институциональной модели, обеспечивающей доминирование принудительных мотивов над побудительными, и необходимостью разработки и реализации экономических идей и проектов конструирования альтернативной модели.

Сложившийся дефицит «горизонта» экономического миропонимания, основанного на неоклассической и конфронтационной парадигме,

не позволяет удовлетворительно осмысливать глубинный, системный характер экономических трансформаций, которые следует осуществлять для того, чтобы кардинально изменить ситуацию к лучшему и не сместится на мировую периферию. Выработка позитивного ответа на новые угрозы и вызовы требует адекватного разворота в экономическом мировоззрении и реализацию соответствующих реалиям экономических идей, ориентированных на поэтапное создание инновационного типа ценностно-институциональной модели развития российской экономики, обеспечивающей формирование баланса интересов и справедливого доступа к ресурсам на основе устранения институциональных дисфункций и дисбалансов ветвей государственной власти. Необходима смена искаженной системы экономических приоритетов, устаревших норм и правил институционального регулирования российской экономики, абсолютизирующей возможности монетарно-либеральных методов и недооценивающих значимость институционально-принудительных методов, направленных на устранение непроизводительного и деструктивного предпринимательства, а также получение распределительной ренты доминирующими группами. Меры государственного регулирования экономики требуется осуществлять путем формирования отвечающей российским реалиям инновационно-сбалансированной системы инструментов экономической политики — бюджетной, налоговой, кредитной, денежной, амортизационной, инвестиционной, антимонопольной, ценовой, внешнеэкономической и др.

Тем самым появится возможность проведения в стране успешных и популярных экономических преобразований в соответствии с новыми драйверами изменений в мире за счет обеспечения доминирования побудительных мер над принудительными и получения значительного структурного эффекта при переходе на новую траекторию воспроизводства и накопления материальных и нематериальных ресурсов с учетом резкого возрастания значимости таких отраслей как образование, здравоохранение, научные исследования и разработки. При создании национального проекта формирования нового ценностно-нормативного компромисса важно принимать во внимание не только имеющиеся ограничения, но и возможности, появляющиеся в результате происходящих сегодня кардинальных сдвигов в мировой экономике. Они связаны с конструированием новой экономико-культурной и научно-производственной реальности, призванной ответить на глобальные вызовы и складывающейся на основе конкуренции ценностно-нормативных проектов трансформации институционального устройства центрально-периферийной системы разделения труда, финансово-экономической и валютной архитектуры мира.

Литература

1. *Венцель К.* Рождение свободы // М.: ВЦМОМ, 2017.
2. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как меняется этот мир // М.: Мысль, 2018.

3. *Munk G. L.* Modernization Theory as a Case of Failed Knowledge Production / *Annals of Competitive Demonstration*. 2018. Vol. 16. No. 3. Pp. 37–41.
4. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества // М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
5. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные // М.: АСТ, 2016.
6. *Капелюшников Р. И.* Contra панинституционализм. Часть I // *Вопросы экономики*. 2019. № 7. С.119–146.
7. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституционализма» и «идеационного» подхода // *Вопросы экономики*. 2019. № 10. С. 99–114.
8. *Полтерович В. М.* К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // *Вопросы экономики*. 2018. № 11. С. 5– 26.
9. *Boyer P., Petersen M. B.* The naturalness of (many) social institutions: Evolved cognition as their foundation // *Journal of Institutional Economics*. 2012. Vol. 8. No. 1. Pp. 1–25.
10. *Ефимов В. М.* Институциональный подход в экономической науке и к экономической науке. Часть I. // *Journal of Institutional studies (Журнал институциональных исследований)*. 2015. Том 7. № 3. С. 6–40.
11. *Лоусон Т.* Современная «экономическая теория» в свете реализма // *Вопросы экономики*. 2006. № 2. С. 75–98.
12. *Бирюков В.* Культурологическая парадигма видения экономической реальности // *Общество и экономика*. 2018. № 9. С. 91–101.
13. *Панов П. В.* Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 3. С. 39–55.
14. *Родрик Д.* Когда идеи важнее интересов: предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике // *Вопросы экономики*. 2015. № 1. С. 22–44.
15. *О'Хара Ф.* Современные принципы неортодоксальной политической экономики // *Вопросы экономики*. 2009. № 12. С. 38–57.
16. *Князев Ю.* Объективный рынок и субъективное целеполагание // *Общество и экономика*. 2017. № 7. С. 5–20.
17. *Элснер В.* Снова об институционалистской теории институциональных изменений: институциональная дихотомия в более формальном представлении // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2017. Т. 9. № 2. С. 6–17.
18. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.
19. *Шумпетер Й.* Наука и идеология / *Философия экономики*. Антология. Под ред. Д. Хаусмана // М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
20. *Шваб К., Дэвис Н.* Технологии Четвертой промышленной революции // М.: Эксмо, 2018.
21. *Баумоль У.* Предпринимательство: производительное, непроизводительное и деструктивное // *Российский журнал менеджмента*. 2013. Т. 11. № 2. С. 61–84.
22. *Тевено Л.* Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // *Вопросы экономики*. 1997. № 10. С. 69–84.
23. *Бирюков В.* Формирование концепции экономического времени в условиях смены научной парадигмы // *Общество и экономика*. 2019. № 5. С. 40–52.
24. *Бердяев Н. А.* О назначении человека // М.: МГУ, 1993.
25. *McClurg S. D., Lazer D.* Political Network // *Social Network*. Vol. 36. No.1. Pp. 1–4.
26. *Соловьев А. И.* Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 3. С. 127–146.
27. *Bourdieu P., Wacquant J.* An invitation to Reflexive Sociology // Chicago, University of Chicago Press, 1992.

28. Андрианов В. Благополучие не для всех // Общество и экономика. 2018. № 1. С. 67–95.
29. Edelman Trust Barometer 2020. URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf> – Загл. с экрана. – (дата обращения 01.02.2020).
30. Ханафи С. Глобальная социология: навстречу новым направлениям // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 3–7.
31. Церович Д. М. Институциональное насилие в восприятии населения стран Юго-Восточной Европы // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 158–163.

V. Biryukov (e-mail: sciencebv@gmail.com)
Grand PhD in Economics,
Full Professor, the Omsk Humanitarian Academy

VALUES, INSTITUTIONS, AND ECONOMIC DEVELOPMENT

The article deals with the problems associated with the formation of a new wave of research in economic development implying certain paradigmatic constraints; the author substantiates the need to move to an intersubjective paradigm.

Economic development is interpreted as a process of mutually conditioned cultural and institutional changes; the features of economic models associated with various combinations of incentive and coercive methods of institutional regulation are revealed.

Keywords: methodology of economics, economic development, neomodernization theory, neoinstitutionalism, constructivism, ideas, values, institutional changes, institutional violence.

DOI: 10.31857/S020736760009149-2